

Научная статья
УДК 327.82
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>

Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 г. Часть 1

Мария Вячеславовна Садловская
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 008710@pnu.edu.ru
Андрей Владимирович Ковалевский
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 012551@pnu.edu.ru
Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 000048@pnu.edu.ru

Аннотация. В статье представлен анализ внутренней миграции в постсоветской России с фокусом внимания на Дальнем Востоке. Авторы сопоставляют статистические данные межрегиональной миграции между субъектами ДФО и европейской частью России за период с 1991 г. по настоящее время. Работа позволяет сформировать целостную картину, способную не только отразить динамику формальных показателей, но и дать ключи к их пониманию. В результате исследования выделяются миграционные сценарии, определяется интенсивность миграционного обмена между регионами в разные периоды, а также их специфические особенности. Вопреки сложившемуся в научном дискурсе нарративу о постсоветском "побеге" населения с Востока на Запад в работе выдвигается гипотеза о существовании иных (встречных) сценариев, обусловленных социальными особенностями региона и сложившимся феноменом "проточного общества".

Ключевые слова: миграция, межрегиональная миграция, внутренняя миграция, трансмиграция, Дальний Восток, регион, динамика, статистика, входящие и исходящие потоки

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00554 "Внутри региональных миграций в России: путь с Востока на Запад".

Благодарность. Авторы благодарят Федеральную службу государственной статистики за своевременное и полное предоставление данных по серии запросов от авторов исследования.

Для цитирования: Садловская М. В., Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 г. Часть 1 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 95–108. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>

The Road from East to West: Outgoing Migration Flows in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 1

Maria V. Sadlovskaya
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 008710@pnu.edu.ru
Andrey V. Kovalevskii
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 012551@pnu.edu.ru
Leonid E. Bliakher
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 000048@pnu.edu.ru

Abstract. The article presents an analysis of internal migration in the Russian Federation, with a particular focus on the Far Eastern Federal District. The authors present a comparative analysis of statistical data on interregional migration between the subjects of the Far Eastern Federal District and the European part of Russia for the period from 1991 to the present. The work enables the formation of a comprehensive picture that can not only reflect the dynamics of formal indicators, but also provide insights into their interpretation. The study identifies stable migration scenarios, determines the intensity of migration exchange between regions in different periods, as well as their specific features. In contrast with the post-Soviet narrative of the population "escaping" from the East to the West, the paper hypothesizes the existence of other scenarios due to the social peculiarities of the region and the existing phenomenon of "flow society".

Key words: migration, transmigration, Far East, region, dynamics, statistics, incoming and outgoing flows

The study was supported by grant No. 24-28-00554 from the Russian Science Foundation "Inside regional migrations in Russia: the path from East to West".

Acknowledgements. Gratitude to Federal State Statistics Service for timely and complete provision of data on a series of requests from the authors of the study.

For citation: Sadlovskaya M. V., Kovalevskii A. V., Bliakher L. E. The Road from East to West: Outgoing Migration Flows in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 1 // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 95–108. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>

Введение

Проблема миграции, несмотря на все увеличивающееся число факторов, препятствующих свободному переток населения, остается одним из ключевых вопросов современного обществоведения [20]. Со времен появления первых теоретических работ в области изучения миграции [23] объяснительные модели, описывающие миграцию, становятся все более сложными и разнообразными. К классическим соображениям "притяжения и выталкивания" добавляются разнообразные факторы, связанные с культурной близостью, наличием устойчивых сетей, связывающих два социума и многие другие [23].

Вместе с тем, как в любой активно развивающейся сфере исследований, в изучении миграции появляются "научные привратники": темы, априорные исследовательские установки, концепции, детерминирующие подход к анализу материала [22]. В этом плане крайне показательна и, вместе с тем, специфична ситуация в одном из наиболее "периферийных" регионов мира – Дальнем Востоке России [12].

Дальний Восток России формировался почти весь период своего развития и в составе империи, и в составе СССР как регион мигрантов. Организованные потоки переселенцев еще с последних десятилетий XIX века (своекоштное и казенокоштное переселение на судах "Доброфлота" [8, с. 231–239]) вплоть до последних лет существования СССР [5, с. 15] определяли социальный состав региона. При этом, ещё более постоянным, хотя и менее организованным был отток прибывшего населения.

Такую ситуацию, когда приток и отток относительно компенсируют друг друга, мы обозначили термином "проточная общность" (по аналогии с биологическим термином "проточная популяция"). Если в биологии эта ситуация препятствует образованию стабильного генетического ядра, то в социальном мире она не позволяет сформироваться "местной культуре" и местному сообществу [3]. Культурно, да и социально местный житель (переселенец) остаётся связанным более с точкой исхода, нежели с местным территориальным сообществом. Наличие такой связи с внешним сообществом снижало издержки возвратной миграции. Это зачастую превращало переселение на Дальний Восток в вариант "вахты", когда, отработав в регионе, человек возвращался "домой". Он не проживал, не укоренялся, но "протекал" в регионе, "утекая" из него при возникновении малейших проблем, или просто, спустя оговоренный срок [9, с. 60–77]. Этот отток и компенсировался мощнейшим материальным и идеологическим стимулированием со стороны государства, в разные периоды включавшем в себя разные, но всегда значительные материальные стимулы (от "ста десятин" до "двойных окладов") [3], вызывающем появление новых входящих потоков.

В постсоветский период, особенно в последнее десятилетие XX в., традиционные механизмы привлечения населения исчезают. Отток перестает компенсироваться новыми входящими потоками. Он становится заметным и фиксируемым, превращается сначала в местную [11], а затем и в федеральную проблему. Этот сюжет описан уже во множестве научных публикаций [12]. В самом деле, сокращение населения (отток) Дальнего Востока в начале 90-х гг. было более, чем значительным [17]. Возникает концепция "западного дрейфа" [15], в рамках которого население региона просто утекало в западные регионы страны. Эта ситуация была осмысленна как катастрофическая, угроза национальной безопасности. Правда, первоначально в качестве угрозы осмыслялся не столько сам отток населения, сколько "ползучая экспансия" со стороны южных и восточных соседей [2]. Однако в последние десятилетия "жёлтая опасность" была отодвинута на исследовательскую периферию, а на авансцену вышел сам факт "обезлюдения" региона [13].

Собственно, поэтому мы и решили сосредоточить своё внимание именно на "внутренней миграции". Здесь складывается система "привратников", описывающих картину, в смысловом пространстве которой ведутся исследования. Имеется малонаселенный регион, из которого массово утекает население. Отсюда и задачи, диктуемые "привратником": зафиксировать факт оттока, разработать меры по "удержанию" и "привлечению" населения [6]. Это и задавало априорный взгляд на проблему внутренней миграции в регионе.

Вместе с тем, численно отток сегодня отнюдь не дает катастрофических значений [10, 14]. Мы попытаемся понять, насколько картина, задаваемая

"привратником", созданная в условиях массового оттока первой половины 90-х гг. соответствует объективным данным, почему она сохраняется, продолжая детерминировать представления о внутрироссийской миграции населения Дальнего Востока.

Исследование выполнено на основе сопоставления статистических данных о внутренней миграции в Российской Федерации и межрегиональном миграционном обмене. Основным эмпирическим материалом выступили статистические данные Федеральной службы государственной статистики о движении населения за период с 1991 по 2022 гг. Анализ их динамики и структуры проводился в разрезе миграционных процессов: в целом по Дальнему Востоку и с разбивкой по регионам; между регионами Дальнего Востока России; с Дальнего Востока в регионы России и из регионов России на Дальний Восток. Это позволило выявить основные миграционные тренды и попытаться объяснить их причины.

Для составления сводных таблиц и графиков (табл. 14–18) за 30 лет мы использовали статистический анализ в совокупности с применением МСВА (метод средневзвешенного арифметического), что позволяет учесть проблемы изменения в подходах расчета статистических данных, погрешности и неточности – а это особенно важно для анализа на таком временном отрезке для сводной совокупности данных всех регионов ДФО. Применение дополнительных формул к сводным данным по численности "прибывших" и "убывших", предоставленных Федеральной службой государственной статистики было необходимо из-за нескольких значительных изменений в методике учёта этих показателей, которые случились за 30 лет.

Так, например, для выявления долевого распределения мигрантов, прибывших в Магаданскую область в 1991–2022 гг. из других регионов России нам пришлось сначала взять количественные данные из первоисточника за каждый год. Затем вычислить удельный вес (в %) каждого региона, а затем выстроить формулу расчёта таким образом, чтобы при изменении методики учёта мы не теряли общую динамику распределения (как, например, после 2011 г. [16]), когда численные показатели, "прибывших" / "убывших" изменились в несколько раз (в сторону их увеличения). Другими словами, когда методика расчёта в 2010 г. показывает количество выбывших в 4776 человек, а методика расчета 2011 г. даёт цифру в 7494 человек, мы сохранили объективность общей картины за 30 лет.

Для таблиц 1–13 использовались динамические ряды на основе данных первоисточника – Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) о движении населения, что позволило нам визуализировать динамику и проследить изменения как в общем, так и применительно к каждому из регионов.

При этом следует учитывать тот факт, что административные границы территорий многократно изменялись. В данной работе мы ориентируемся на административные границы, сложившиеся к настоящему времени.

Общие показатели миграции населения на Дальнем Востоке

Для миграционных процессов на Дальнем Востоке России в прошедшие тридцать лет характерно значительное преобладание количества уезжающих над приезжающими. Хотя цифры разнятся – в 1991 г. с ДВ уехало 423657 человек, приехало 376020 человек, а в 2022 г. уехало 275055 и приехало 250623 человек – общая тенденция остается неизменной (табл. 1).

С каждым годом на Дальний Восток приезжает всё меньше людей, однако точно такая же тенденция сохраняется и для уехавших, их тоже становится всё меньше и меньше. Локальные всплески активности, конечно, случаются. Однако, глобальный нисходящий тренд пока не сломлен. В целом потоки прибывающих и убывающих существуют в одной логике – в те годы, когда наблюдался рост числа покинувших регион, больше было и прибывших. Стоит отметить, что тенденция к сокращению оттока прослеживается более или менее явно (в сравнении с началом 90-х отток в регионе сократился более, чем в три раза).

Объяснения заслуживает резкое изменение (практически удвоение) цифр с 2011 г. В этом году произошло изменение методики учёта – стали рассматривать как долговременных мигрантов, зарегистрированных не только

по месту жительства, но и по месту пребывания сроком 9 месяцев и дольше [16].

Однако, сам концепт "Дальний Восток России" имеет более административную, нежели социальную или географическую природу. Задаваемое этим концептом пространство не является гомогенным и в отношении внутривосточной и региональной миграции. Входящие в ДФО субъекты федерации демонстрируют несколько отличную динамику миграции. Обозначим отличия и сходные моменты.

Более или менее сходная картина миграции отмечается в двух национальных территориях региона: Республике Бурятия и Республике Саха (Якутия).

В течение всех 90-х гг. размер и исходящего, и входящего потоков в Бурятии постепенно уменьшался, и к 2001 г. число выбывших с территории региона составило 22309 человек, а число прибывших 17357 человек. За следующее десятилетие миграционные процессы в республике пережили колебания от минимума в 2002 г. (21416 уехавших, 16962 приехавших) до максимума в 2007 г. (28119 уехавших, 25084 приехавших). Пика за весь период наблюдений миграционная активность в регионе достигла к 2016 г., когда количество выехавших достигло 46285 человек, а въехавших – 42579 (табл. 2). Затем количество перемещений несколько снизилось, но в целом осталось сопоставимым. Таким образом, всё последнее десятилетие мы видим довольно высокий уровень миграций в регионе.

Последнее, в целом, понятно. Бурятия – одна из немногих территорий России, где не завершён второй демографический переход, характеризующийся высокой рождаемостью, причем, главным образом, среди сельского населения [4]. Соответственно, формируется давление, предопределяющее и миграцию из села в город (пригород), и за пределы республики.

Республику Саха (Якутия) в 1991 г. покинули 49146 человек, а прибыли 38782 человек. На протяжении всего последующего десятилетия количество уезжающих превышало количество приезжающих в 1,5–2 раза. К 2001 г. эти показатели составили 31322 и 24367 человек соответственно. В первой половине 2000-х гг. ситуация несколько сгладилась, хотя, конечно, исходящий поток мигрантов по-прежнему преобладал над входящим. Но с 2008 г. разрыв между этими показателями снова увеличился до критических значений, в 2010 г. из республики уехали 21330 человек, приехали – 13723. В 2010-е гг. цифры колебались в пределах 35445–44650 уезжавших и 24952–39519 прибывших человек в год (табл. 3).

Здесь причина оттока была несколько иной. В 60-е – 70-е годы XX в. под знаменем освоения Севера шло активное заселение южной части республики. Возникали многочисленные рабочие посёлки горняков и леспромхозы. Сворачивание или, по крайней мере, сокращение этой деятельности, переход на "вахтовую" модель с привлечением в том числе иностранных мигрантов [7, с. 86–87] привели к относительному дефициту рабочих мест для постоянного населения, что и породило социальное и экономическое напряжение, выступившее фактором выталкивания.

Забайкальский край в целом укладывается в общие миграционные тенденции Дальнего Востока. С 1991 по 2000 гг. число уехавших из региона снизилось с 53130 до 32330 человек в год, число приехавших с 45246 до 25736 человек в год. В первое десятилетие XX в. нисходящий тренд сохранился, и количество отбывших / прибывших сократилось с 30153 / 23972 человек в 2001 г. до 24057 / 18462 в 2010 г. В первой половине 2010-х (помним об изменении порядка цифр из-за смены методологии) наблюдался небольшой рост миграционной активности в крае – с 34605 выехавших и 24523 заехавших в 2011 г. до 36765 и 28875 соответственно в 2015 г. К концу исследуемого отрезка показатели вновь снизились и в 2022 г. составили 27924 уезжавших, 22613 человек прибывших (табл. 4).

Однако причины оттока здесь несколько отличны от предшествующих территорий. Сворачивание военной инфраструктуры, с которой было связана деятельность значительной части населения, ликвидация ЗаБВО, привели к сокращению рабочих мест. Как поэтично обозначил территорию в приватной беседе иркутский исследователь В.И. Дятлов, "Читинская область – офицер-

ская вдова". Более подробно о структуре миграции на территории Забайкальского края см. [1].

Наиболее активным был отток из Магаданской области, Камчатки и Сахалина – наиболее периферийных частей региона. Последнее определялось и спецификой их заселения, ориентированным на временное пребывание населением (законтрактрованными рабочими, военнослужащими) [19].

Магаданская область отличается сильной миграционной убылью населения. Причем такая ситуация наблюдалась в регионе не только в переходные 1990-е гг., но и на протяжении всех 2000-х, вплоть до середины 2010-х. Количество покидающих регион превышало прибывающих в 1,5, 2, бывало, что и в 3 раза. Для сведения: в 1994 г. из области уехало 36466 человек, приехало 8498 человек, в 2004 г. уехало 7966 человек, приехало – 4611, в 2014 г. уехало – 7760, приехало – 5073. О каком-то позитивном тренде можно говорить с 2016-2018 гг., когда росло не только число покинувших регион, но и число вновь прибывших. В 2016 г. мы наблюдаем численность убывших на уровне 8152 человек, въехавших – 6394 человек. К 2022 г. это уже 6250 и 5403 человек соответственно (табл. 5).

На протяжении 1990-х и 2000-х гг. Камчатский край терял население. В 1992 г. из региона уехало 20195 человек, приехало 10790 человек. В 2002 г. выехавших и въехавших было 7911 и 4976 человек соответственно. В 2012 г. покинуло край 11480 человек, прибыло 7513 человек. Т. е. на протяжении этих двадцати лет исходящий поток мигрантов постоянно превышал входящий в 1,5, а то и в 2 раза, также, как и в ситуации с Якутией. Ситуация начала выправляться только к середине 2010-х, а в 2020-х мы видим и вовсе сопоставимые потоки на въезд и выезд. Например, в 2022 г. с территории выбыло 10106 человек, а прибыло 9623 человек (табл. 6).

С 1993 г. в Сахалинской области наблюдалось превышение исходящего миграционного потока над входящим в 1,5–2 раза. Такая ситуация сохранялась в регионе вплоть до 2010-х. Но количество перемещающихся, как на въезд, так и на выезд с течением времени снижалось. В 1993 г. область оставили 22489 человек, прибыли 14874 человек. В 2002 г. эти показатели составили 12723 и 8981 человек соответственно. В 2010 г. уехали 9721 человек, приехали – 6466. С 2011 г. встречные миграционные потоки становятся более сопоставимы количественно, и мы видим некоторый рост активности, характерный для всех регионов ДВ в этот период, который, впрочем, нивелируется к концу десятилетия. В 2011 г. регион покинули 16972 человек, въехали 14490 человек. В 2016 г. выбыли 20980 человек, прибыли 19462 человека. В 2022 г. данные показывают 13840 уехавших и 11995 приехавших (табл. 7).

Стоит отметить сходство миграционных процессов в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области. В этих трёх географически и климатически близких региона распад социально-экономической структуры, связанной с ВПК, вызывает резкий спад, постепенно затухающий к настоящему времени. Государственные проекты, реализуемые здесь, вызывают приток населения [18].

Приморский край – ещё один регион ДВ, активно включённый в миграционные процессы, при этом с приблизительно равными исходящим и входящим потоками переселенцев. В 1991 г. выбыло 87457 человек, прибыло – 81435 человек. Вплоть до 2011 г. цифры постепенно снижались, в 2010 г. составив 30687 человек, покинувших край, и 23201 человек приехавших. Последующее десятилетие было довольно неоднородным. С 2011 по 2013 гг. (по 2014 г. для въезжающих) численность мигрантов росла, с 2014 (2015) по 2016 гг. снижалась, в 2017–2018 гг. вновь наблюдается рост, 2019–2020 гг. – снижение. Но в конечном итоге показатели изменились с 69661 уехавших и 63491 заехавших в 2012 г. до 61205 и 56642 в 2022 г. соответственно (табл. 8).

Миграционные процессы Хабаровского края глобально схожи с регионам-соседом. С начала 1990-х до конца 2000-х гг. число как уезжающих, так и приезжающих уменьшалось. Порядок цифр: в 1991 г. выбыло 66640 человек, прибыло 64281 человек, в 2010 г. уехало 23538, приехало 20568 человек. Весь период мы наблюдаем численно сопоставимые потоки миграции, а в 2003 г. количество въехавших на территорию края людей (26784) даже превысило количество выехавших (26088). Первая половина 2010-х гг. характеризуется возросшей миграционной активностью – пик её пришелся на 2013 г. с 53889

прибывших и 51250 выбывших. А к концу десятилетия показатели снова пошли на спад. В 2022 г. из региона уехало 40911 человек, а приехало 37778 человек (табл. 9).

Миграция населения в Амурской области существует в той же цикличности, что у Приморского и Хабаровского краёв. С 1991 по 2010 гг. число уехавших снизилось с 53410 до 18828 человек в год, число приехавших с 51453 до 15181 человек в год. В последующий период динамика миграции изменялась для выбывших от 28672 человек в 2011 г., через подъём к 31756 человек в 2013 г., с последующим спадом до 25174 в 2022 г.; для прибывших с 22426 человек в 2011 г., локальный пик пришелся на 2018 г. в количестве 26939 человек, в 2022 г. произошло снижение к 23035 чел (табл. 10).

Еврейская автономная область – уникальный регион в миграционном смысле. На протяжении всех 1990–2000-х гг. в АО наблюдалось значительное преобладание числа въезжающих над выезжающими, или как минимум их равенство. Например, в 1993 г. оттуда уехало 4760 человек, а приехало 7041 человек. В 2001 г. регион покинуло 4874 человек, прибыло – 4931 человек. В 2009 г. цифры составили 3069 и 2948 человек соответственно. Т.е. в то время, как со всего Дальнего Востока больше людей уезжает, чем приезжает (тем более в не самые спокойные времена), в ЕАО входящий миграционный поток превышает исходящий. Но уже в 2010-х гг. ситуация в субъекте становится типичной для ДВ – уезжающих становится больше. В 2011 г. выехали 6150 человек, приехали 4415 человек. В 2022 г. данные говорят о 4825 выбывших и 3620 прибывших (табл. 11).

Чукотский автономный округ – территория парадоксов. В 1993–1994 гг. там наблюдалось преобладание прибывающих мигрантов над выбывающими. С 1995 г. всё кардинально поменялось в сторону значительной убыли населения – в 2–3 раза ежегодно. Относительное затишье в 2005–2006 гг., затем новая волна отъездов. Ситуация немного сгладилась только к 2010-м гг. и в целом стала укладываться в общую картину миграций на ДВ РФ. В 2012 г. из АО уехало 4147 человек, приехало – 3797 человек. В 2017 г. регион покинуло 4943 человек, въехало – 4281 человек. В 2021 г. выбыло – 4576, прибыло – 4558 человек. Но в 2011, 2018 и 2022 гг. вновь наблюдалось превышения числа въезжающих на выезжающими (табл. 12).

Таким образом, общей чертой большей части территорий Дальнего Востока России (в границах ДФО) является сокращающийся, но сохраняющийся отток населения. По разным причинам, о которых мы упоминали выше, здесь в 90-е годы сложился недостаток рабочих мест, сокращение объёма льгот, деградация социальной инфраструктуры, выступающие факторами выталкивания. Вместе с тем, сохранение связей с точкой исхода (большая часть населения прибыла в регион в 60-е-80-е годы) облегчала миграцию. Этот фактор, возникший после распада СССР, к настоящему времени постепенно сходит на нет. Однако отток из региона сохраняется, хотя и существенно сокращается в сравнении с 90-ми годами. Остаются и миграции внутри Дальнего Востока. Обозначим их направления.

(продолжение следует).

Литература

1. Ананьина Д. А., Кондакова Н. С. Миграционные тренды в Забайкалье: ретроспективный анализ // Народонаселение. 2024. № 2 (27). С. 165–178.
2. Бляхер Л. Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. № 3. С. 102–118.
3. Бляхер Л. Е. Искусство неуправляемой жизни. Москва: Европа, 2014. 208 с.
4. Дашинамжилов О. Б., Лыгденова В. В. Демографический переход бурят Республики Бурятия в 1959–2010 гг. // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 183–197.
5. Зайончковская Ж. А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 1–15.
6. Ивахнюк И. В. В чем причина неэффективности российской миграционной политики? - Ответ искать в истории // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. № 2 (2). С. 113–120.

Табл. 1. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях на Дальнем Востоке в 1991–2022 гг.
Table 1. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in the Far East, 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	423657	376020	- 47637	2007	182992	152090	- 30902
1992	389782	313789	- 75993	2008	181148	147725	- 33423
1993	337195	254492	- 82703	2009	155224	126697	- 28527
1994	381194	263501	- 117693	2010	168872	129395	- 39477
1995	381709	273918	- 107791	2011	271046	223821	- 47225
1996	322672	244461	- 78211	2012	316410	266845	- 49565
1997	298581	220768	- 77813	2013	330441	277558	- 52883
1998	288858	211733	- 77125	2014	323181	277760	- 45421
1999	271657	203841	- 67816	2015	327973	284594	- 43379
2000	238574	191278	- 47296	2016	321427	285632	- 35795
2001	215850	173559	- 42291	2017	324258	289141	- 35117
2002	206878	168449	- 38429	2018	328358	291663	- 36695
2003	202489	169550	- 32939	2019	306718	280656	- 26062
2004	184168	153948	- 30220	2020	267846	246823	- 21023
2005	176589	146823	- 29766	2021	285904	258669	- 27235
2006	180180	148632	- 31548	2022	275055	250623	- 24432

Источник: составлено авторами на основе сводных данных, предоставленных ФГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 2. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Республики Бурятия в 1991–2022 гг.
Table 2. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in the Republic of Buryatia in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	38356	36730	- 1626	2007	28119	25084	- 3035
1992	35528	32317	- 3211	2008	26033	23116	- 2917
1993	28259	25391	- 2868	2009	22810	20962	- 1848
1994	28812	28512	- 300	2010	23317	19873	- 3444
1995	29961	28352	- 1609	2011	34649	29886	- 4763
1996	28037	24711	- 3326	2012	39577	34784	- 4793
1997	26296	20893	- 5403	2013	40964	36942	- 4022
1998	25530	20267	- 5263	2014	41630	39551	- 2079
1999	24550	19889	- 4661	2015	45131	42458	- 2673
2000	23645	19495	- 4150	2016	46285	42579	- 3706
2001	22309	17357	- 4952	2017	43256	40119	- 3137
2002	21416	16962	- 4454	2018	44922	40760	- 4162
2003	21462	17844	- 3618	2019	43546	42374	- 1172
2004	22916	19267	- 3649	2020	38657	37776	- 881
2005	23016	18758	- 4258	2021	42382	39831	- 2551
2006	26854	23220	- 3634	2022	39345	37348	- 1997

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 3. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Республики Саха (Якутия) в 1991–2022 гг.
Table 3. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in the Republic of Sakha (Yakutia) in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	49146	38782	- 10364	2007	30283	24189	- 6094
1992	45008	32819	- 12189	2008	28153	19914	- 8239
1993	40927	26384	- 14543	2009	21637	14032	- 7605
1994	51846	23675	- 28171	2010	21330	13723	- 7607
1995	44421	24807	- 19614	2011	35445	24952	- 10493
1996	36984	23439	- 13545	2012	40940	31655	- 9285
1997	36992	20590	- 16402	2013	41786	32167	- 9619
1998	39627	21509	- 18118	2014	37747	30755	- 6992
1999	39030	24812	- 14218	2015	41232	35430	- 5802
2000	33505	26273	- 7232	2016	40149	35339	- 4810
2001	31322	24367	- 6955	2017	44650	39519	- 5131
2002	26933	21101	- 5832	2018	44404	39226	- 5178
2003	25382	20887	- 4495	2019	40311	36098	- 4213
2004	23979	19671	- 4308	2020	35810	33178	- 2632
2005	23634	18410	- 5224	2021	42801	39495	- 3306
2006	25822	20364	- 5458	2022	40773	37745	- 3028

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 4. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Забайкальского края в 1991–2022 гг.
Table 4. Dynamics of the number of incoming and outgoing population in interregional migration in Zabaikalsky region in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	53130	45246	- 7884	2007	22221	17930	- 4291
1992	47274	40521	- 6753	2008	23117	18821	- 4296
1993	38659	32421	- 6238	2009	22723	19015	- 3708
1994	42396	33604	- 8792	2010	24057	18462	- 5595
1995	44181	34821	- 9360	2011	34605	24523	- 10082
1996	39644	31022	- 8622	2012	35237	26514	- 8723
1997	35617	26793	- 8824	2013	35526	25969	- 9557
1998	34895	26311	- 8584	2014	35795	28127	- 7668
1999	33837	27653	- 6184	2015	36765	28875	- 7890
2000	32330	25736	- 6594	2016	34067	27246	- 6821
2001	30153	23972	- 6181	2017	35112	27498	- 7614
2002	28835	22314	- 6521	2018	36173	28745	- 7428
2003	26049	21036	- 5013	2019	34091	28315	- 5776
2004	23345	18852	- 4493	2020	28466	24385	- 4081
2005	21173	17930	- 3243	2021	29421	23763	- 5658
2006	22988	18615	- 4373	2022	27924	22613	- 5311

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 5. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Магаданской области в 1991–2022 гг.
Table 5. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in Magadan Oblast in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	31400	18296	- 13104	2007	5944	3490	- 2454
1992	39270	14578	- 24692	2008	5741	3128	- 2613
1993	31614	8059	- 23555	2009	4662	2855	- 1807
1994	36466	8498	- 27968	2010	4776	2785	- 1991
1995	29559	9125	- 20434	2011	7497	5283	- 2214
1996	20486	8683	- 11803	2012	8379	5927	- 2452
1997	14243	7888	- 6355	2013	8164	5786	- 2378
1998	13950	7876	- 6074	2014	7760	5073	- 2687
1999	13870	7565	- 6305	2015	7325	4678	- 2647
2000	11848	6643	- 5205	2016	8152	6394	- 1758
2001	9755	5905	- 3850	2017	8401	6807	- 1594
2002	9280	5961	- 3319	2018	8707	6629	- 2078
2003	8551	5257	- 3294	2019	7757	6240	- 1517
2004	7966	4611	- 3355	2020	6496	5552	- 944
2005	7432	4670	- 2762	2021	6649	5649	- 1000
2006	6713	3975	- 2738	2022	6250	5403	- 847

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 6. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Камчатского края в 1991–2022 гг.
Table 6. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in Kamchatka Krai in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	17980	14084	- 3896	2007	7090	5185	- 1905
1992	20195	10790	- 9405	2008	7594	4989	- 2605
1993	20956	7285	- 13671	2009	6448	4515	- 1933
1994	23432	8219	- 15213	2010	6919	4985	- 1934
1995	22165	9823	- 12342	2011	9756	5737	- 4019
1996	16928	8562	- 8366	2012	11480	7513	- 3967
1997	15147	7902	- 7245	2013	13230	9755	- 3475
1998	13381	6756	- 6625	2014	12681	9428	- 3253
1999	11966	5628	- 6338	2015	12390	9661	- 2729
2000	9438	5088	- 4350	2016	11764	9136	- 2628
2001	8057	4917	- 3140	2017	11456	8823	- 2633
2002	7911	4976	- 2935	2018	12211	9452	- 2759
2003	8188	5467	- 2721	2019	11345	10481	- 864
2004	6617	4355	- 2262	2020	10398	9898	- 500
2005	6472	4111	- 2361	2021	10638	10155	- 483
2006	6659	4547	- 2112	2022	10106	9623	- 483

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 7. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Сахалинской области в 1991–2022 гг.
Table 7. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in Sakhalin Oblast in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	26138	25713	- 425	2007	9681	7372	- 2309
1992	22632	20821	- 1811	2008	11843	8112	- 3731
1993	22489	14874	- 7615	2009	9257	6414	- 2843
1994	28142	13957	- 14185	2010	9721	6466	- 3255
1995	35386	16459	- 18927	2011	16972	14490	- 2482
1996	26638	15445	- 11193	2012	20979	18239	- 2740
1997	24409	13082	- 11327	2013	21160	17719	- 3441
1998	23013	13259	- 9754	2014	21643	18268	- 3375
1999	19507	12383	- 7124	2015	21374	18741	- 2633
2000	16346	11826	- 4520	2016	20980	19462	- 1518
2001	12845	9268	- 3577	2017	20790	20748	- 42
2002	12723	8981	- 3742	2018	20769	19383	- 1386
2003	12247	8288	- 3959	2019	17439	14818	- 2621
2004	10499	7318	- 3181	2020	15661	14931	- 730
2005	9868	6881	- 2987	2021	14852	11564	- 3288
2006	10187	7061	- 3126	2022	13840	11995	- 1845

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 8. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Приморского края в 1991–2022 гг.
Table 8. Dynamics of the number of incoming and outgoing population in interregional migration in Primorsky Krai in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	87457	81435	- 6022	2007	30398	25249	- 5149
1992	73248	69467	- 3781	2008	29982	26628	- 3354
1993	63830	57417	- 6413	2009	26446	22706	- 3740
1994	70340	61741	- 8599	2010	30687	23201	- 7486
1995	74553	63791	- 10762	2011	57203	51799	- 5404
1996	65544	57697	- 7847	2012	69661	63491	- 6170
1997	60625	52322	- 8303	2013	72498	63689	- 8809
1998	56738	48956	- 7782	2014	71637	65459	- 6178
1999	50835	42161	- 8674	2015	70520	65323	- 5197
2000	41496	35353	- 6143	2016	69371	64919	- 4452
2001	37326	30009	- 7317	2017	71041	66095	- 4946
2002	37517	31944	- 5573	2018	72937	68152	- 4785
2003	36881	31167	- 5714	2019	69323	66496	- 2827
2004	33104	27968	- 5136	2020	60244	57464	- 2780
2005	28951	24002	- 4949	2021	63851	59652	- 4199
2006	30425	25475	- 4950	2022	61205	56642	- 4563

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 9. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Хабаровского края в 1991–2022 гг.
Table 9. Dynamics of the number of incoming and outgoing population in interregional migration in Khabarovsk Krai in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	66640	64281	- 2359	2007	23665	22053	- 1612
1992	58748	50658	- 8090	2008	23330	21997	- 1333
1993	45114	36057	- 9057	2009	19785	18613	- 1172
1994	48263	38233	- 10030	2010	23538	20568	- 2970
1995	49389	37921	- 11468	2011	37158	37096	- 62
1996	41854	33380	- 8474	2012	49974	45213	- 4761
1997	38793	33999	- 4794	2013	53889	51250	- 2639
1998	36830	31442	- 5388	2014	52827	46968	- 5859
1999	34427	28674	- 5753	2015	51479	44638	- 6841
2000	29770	27905	- 1865	2016	50042	45589	- 4453
2001	27323	25841	- 1482	2017	48781	44628	- 4153
2002	25370	24317	- 1053	2018	47950	43780	- 4170
2003	26088	26784	+ 696	2019	45413	42148	- 3265
2004	23393	23315	- 78	2020	38386	33064	- 5322
2005	22582	22279	- 303	2021	42289	40051	- 2238
2006	22812	21392	- 1420	2022	40911	37778	- 3133

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 10. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Амурской области в 1991–2022 гг.
Table 10. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in the Amur Oblast in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1991	53410	51453	- 1957	2007	20332	16611	- 3721
1992	47879	41818	- 6061	2008	19825	16378	- 3447
1993	38857	35831	- 3026	2009	16651	13932	- 2719
1994	43320	36848	- 6472	2010	18828	15181	- 3647
1995	42601	38882	- 3719	2011	28672	22426	- 6246
1996	37119	32224	- 4895	2012	29571	24833	- 4738
1997	34642	29185	- 5457	2013	31756	25621	- 6135
1998	33494	27625	- 5869	2014	30587	25604	- 4983
1999	32914	27794	- 5120	2015	30304	26132	- 4172
2000	30227	26309	- 3918	2016	29650	26270	- 3380
2001	28802	25367	- 3435	2017	29853	26601	- 3252
2002	28886	25607	- 3279	2018	30105	26939	- 3166
2003	29854	27064	- 2790	2019	27122	24626	- 2496
2004	26354	23731	- 2623	2020	24617	23064	- 1553
2005	27032	24864	- 2168	2021	23555	20455	- 3100
2006	22042	18871	- 3171	2022	25174	23035	- 2139

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 11. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Еврейской автономной области в 1991–2022 гг.
Table 11. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration in the Jewish Autonomous Region in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1993	4760	7041	+ 2281	2007	3758	3894	+ 136
1994	5386	7112	+ 1726	2008	3876	3907	+ 31
1995	5290	6709	+ 1419	2009	3069	2948	- 121
1996	5268	6720	+ 1452	2010	3993	3342	- 651
1997	5896	5937	+ 41	2011	6150	4415	- 1735
1998	5683	5653	- 30	2012	6465	4879	- 1586
1999	5582	5666	+ 84	2013	6462	4266	- 2196
2000	5317	5107	210	2014	5913	3980	- 1933
2001	4874	4931	+ 57	2015	6511	4423	- 2088
2002	4473	4442	- 31	2016	6174	4499	- 1675
2003	4482	4318	- 164	2017	5975	4022	- 1953
2004	3777	3568	- 209	2018	5091	3322	- 1769
2005	4766	3659	- 1107	2019	5045	3944	- 1101
2006	4127	3855	- 272	2020	4136	3428	- 708
2005	176589	146823	+ 29766	2021	4890	3496	- 1394
2006	180180	148632	+ 31548	2022	4825	3620	- 1205

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

Табл. 12. Динамика численности прибывающего и выбывающего населения в межрегиональных миграциях Чукотского автономного округа в 1991–2022 гг.
Table 12. Dynamics of the number of arrivals and departures in interregional migration of the Chukotka Autonomous Okrug in 1991–2022.

Год	Убыло	Прибыло	Разница	Год	Убыло	Прибыло	Разница
1993	1730	3732	+ 2002	2007	1501	1033	- 468
1994	2791	3102	+ 311	2008	1654	735	- 919
1995	4203	3228	- 975	2009	1736	705	- 1031
1996	4170	2578	- 1592	2010	1706	809	- 897
1997	5921	2177	- 3744	2011	2939	3214	+ 275
1998	5717	2079	- 3638	2012	4147	3797	- 350
1999	5139	1616	- 3523	2013	5006	4394	- 612
2000	4652	1543	- 3109	2014	4961	4547	- 414
2001	3084	1625	- 1459	2015	4942	4235	- 707
2002	3534	1844	- 1690	2016	4793	4199	- 594
2003	3305	1438	- 1867	2017	4943	4281	- 662
2004	2218	1292	- 926	2018	5089	5275	+ 186
2005	1663	1259	- 404	2019	5326	5116	- 210
2006	1551	1257	- 294	2020	4975	4083	- 892
2005	23016	18758	- 4258	2021	4576	4558	- 18
2006	26854	23220	- 3634	2022	4702	4821	+ 119

Источник: составлено на основе сводных данных, предоставленных ФСГС.

Source: compiled on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

7. Игнатъева В. Б. Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4 (21). С. 86–95.
8. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / Ред. А. И. Крушанов. М.: Наука, 1991. 469 с.
9. Ковалевский А. В. "Невидимые" пространства и социальные группы городов востока России: на примере города Хабаровска (социологический анализ): дис. ... канд. социол. наук / С. А. Ковалевский. Хабаровск. 2023. 190 с.
10. Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3 (54). С. 120–127.
11. Кордонский С. Г., Дехант Д. К. Нейтрализация угроз как форма деятельности органов власти // Микроэкономика. 2014. № 6. С. 52–58.
12. Ларин В. Л. Новая геополитика для Восточной Евразии / Тихоокеанская Россия снова на периферии // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. URL <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-geopolitika-dlya-vostochnoj-evrazii/> (дата обращения: 04.09.2024).
13. Мартынов В. С. Внутренние миграции как "слепое пятно" российской экономической политики // Современная Россия и мир: альтернативы развития 2014. URL <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2584> (дата обращения: 04.09.2024).
14. Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности // Демографическое обозрение. 2023. № 3 (10). С. 21–42.
15. Мкртчян Н. В. "Западный дрейф" внутрироссийской миграции // Журнальный зал. 2023. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2023/11/zapadnyj-drej-f-vnutrirossijskoj-migratsii.html> (дата обращения: 04.09.2024).
16. Мкртчян Н. В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порождённые изменением методики учёта в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. № 1 (7). С. 83–99.
17. Мотрич Е. Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. № 3 (18). С. 6–14.
18. Рыбаковский Л. Л. и др. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность. Москва: РИЦ ИСПИ РАН, 1999. 170 с.
19. Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Демографические проблемы геостратегических территорий Дальнего Востока России // Народонаселение. 2020. № 4 (23). С. 153–160.
20. Glick Schiller N., Wimmer A. Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and The Social Sciences // Global Networks. 2002. № 2. P. 301–334.
21. Ortner S. B. Theory in Anthropology since the Sixties // Comparative Studies in Society and History. 1984. № 26. P. 126–166. URL <http://www.jstor.org/stable/178524> (дата обращения: 04.09.2024).
22. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. № 48. P. 167–235.
23. Zipf G. K. Human behavior and the principle of least effort. Cambridge, (Mass.): Addison-Wesley, 1949. 573 p.

References

1. Ananyina D. A., Kondakova N. S. Migration Trends in Transbaikalia: Retrospective Analysis // Population. 2024. No. 2 (27). P. 165–178. (In Russ.).
2. Blyakher L. E. The Russian Far East: In Search of Political Identification // Political Science. 2005. No. 3. P. 102–118. (In Russ.).
3. Blyakher L. E. The Art of Uncontrolled Life. Moscow: Europa, 2014. 208 p. (In Russ.).
4. Dashinamzhirov O. B., Lygdenova V. V. Demographic Transition of the Buryats of the Republic of Buryatia in 1959–2010 // Ethnographic Review. 2019. No. 3. P. 183–197. (In Russ.).
5. Zayonchkovskaya Zh. A. Population Migration in the USSR and Russia in the 20th Century: Evolution Through Cataclysms // Forecasting Problems. 2000. No. 4. P. 1–15. (In Russ.).
6. Ivakhnyuk I. V. What Is the Cause of the Ineffectiveness of Russian Migration Policy? - The Answer Is to Be Sought in History // Migration and Socio-Economic Development. 2017. No. 2 (2). P. 113–120. (In Russ.).
7. Ignatyeva V. B. Labor Migrants in Yakutia: Integration versus Exclusion? Results of Sociological Research and Expectations of the Host Society // Northeast Humanitarian Bulletin. 2017. No. 4 (21). P. 86–95. (In Russ.).
8. History of the Far East of the USSR in the Era of Feudalism and Capitalism (17th Century – February 1917) / Ed. A. I. Krushanova. M.: Nauka, 1991. 469 p. (In Russ.).
9. Kovalevsky A. V. "Invisible" Spaces and Social Groups in the Cities of Eastern Russia: The Case of Khabarovsk (Sociological Analysis): Dissertation ... Candidate of Sociological Sciences / S. A. Kovalevsky. Khabarovsk. 2023. 190 p. (In Russ.).

10. Kovalevsky A. V., Blyakher L. E. Far Eastern Migration: Features of Interpretation Using the Khabarovsk Region as a Case Study // *Ojkumena. Regional Researches*. 2020. No. 3 (54). P. 120–127. (In Russ.).
11. Kordonsky S. G., Dechant D. K. Neutralizing Threats as a Form of Government Activity // *Micro-economics*. 2014. No. 6. P. 52–58. (In Russ.).
12. Larin V. L. New Geopolitics for Eastern Eurasia / Pacific Russia Back on the Periphery // *Russia in Global Affairs*. 2018. No. 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-geopolitika-dlya-vostochnoj-evrazii/> (accessed: 04.09.2024).
13. Martyanyov V. S. Internal Migrations as a "Blind Spot" of Russian Economic Policy // *Modern Russia and the World: Alternatives for Development*. 2014. URL: <http://ashpi.asu.ru/icc/?p=2584> (accessed: 04.09.2024). (In Russ.).
14. Mkrtychyan N. V. Internal Migration in Russia in the 2010s – Macregional Features // *Demographic Review*. 2023. No. 3 (10). P. 21–42. (In Russ.).
15. Mkrtychyan N. V. "Western Drift" of Internal Russian Migration // *Journal Hall*. 2023. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2023/11/zapadnyj-drejf-vnutrirossijskoj-migratsii.html> (accessed: 04.09.2024). (In Russ.).
16. Mkrtychyan N. V. Problems in the Statistics of Internal Russian Migration Arising from the Change in Accounting Methodology in 2011 // *Demographic Review*. 2020. No. 1 (7). P. 83–99. (In Russ.).
17. Motrich E. L. The Role of Migration in the Dynamics of Population Numbers and Composition in the Far Eastern Federal District // *Regional Problems*. 2015. No. 3 (18). P. 6–14. (In Russ.).
18. Rybakovsky L. L. et al. Migration Situation in the Far East: History and Modernity. Moscow: RIC ISPI RAS, 1999. 170 p.
19. Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Demographic Problems of Geostrategic Territories of the Russian Far East // *Population*. 2020. No. 4 (23). P. 153–160. (In Russ.).
20. Glick Schiller N., Wimmer A. Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and The Social Sciences // *Global Networks*. 2002. № 2. P. 301–334.
21. Ortner S. B. Theory in Anthropology since the Sixties // *Comparative Studies in Society and History*. 1984. №26. P. 126–166. URL <http://www.jstor.org/stable/178524> (accessed 04.09.2024).
22. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society of London*. 1885. № 48. P. 167–235.
23. Zipf G. K. Human behavior and the principle of least effort. Cambridge, (Mass.): Addison–Wesley, 1949. 573 p.

Информация об авторах

Мария Вячеславовна Садловская, канд. соц. наук, доцент Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 008710@pnu.edu.ru

Андрей Владимирович Ковалевский, канд. соц. наук, заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований социального капитала Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 012551@pnu.edu.ru

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Information about the authors

Maria V. Sadlovskaya, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 008710@pnu.edu.ru

Andrey V. Kovalevskii, Candidate of Sociology, Head of the Laboratory of Interdisciplinary Studies of Social Capital, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 012551@pnu.edu.ru

Leonid E. Bliakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Поступила в редакцию 05.08.2023

Одобрена после рецензирования 15.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Received 05.08.2023

Approved 15.11.2024

Accepted 27.11.2024